

Сергей
ЗВЕРЁВ

Гастроли
ЖИГАНА

ЖИГАН

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Жиган

Сергей Зверев

Гастроли Жигана

«Научная книга»

Зверев С. И.

Гастроли Жигана / С. И. Зверев — «Научная книга»,
— (Жиган)

«Мы будем мочить бандитов везде, пока не останется ни одного», — поклялся Жиган. Киллера он грохнул, когда тот целился в начальника аэропорта. Восемь «кунцевских» во главе с их паханом взорвал в спортзале на тренировке. Двух авторитетов повесил на березев Измайловском парке... Он добился того, что бандиты стали убегать из Москвы. Но Жиган не собирается громоздить горы трупов и превращаться в кровавого отморозка. Он решает притормозить и сразу из охотника становится дичью. Теперь его ловят и менты, и бандиты.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Зверев

Гастроли Жигана

Глава 1

Проще всего в Москве оказалось приобрести оружие.

Макеев долго и придирчиво выбирал на тайном складе у подпольного торговца то, что ему посоветовал хозяин. Потом показывал Панфилову. Тот несколько минут вертел в руках, примериваясь, и откладывал либо влево от себя, либо – вправо. То, что справа, – покупали, то, что слева, – их не устраивало. Справа, надо отметить, набралась довольно изрядная куча, в которой были и гранатометы, и взрывчатка, не говоря уже о скорострельном оружии.

Макеев с увлечением занялся подготовкой к предстоящей войне с лидерами московского криминала, которую они с Панфиловым собирались объявить, и проявил при этом очень даже неплохие организаторские способности. Он вообще талантливым организатором мог бы стать, если бы его в свое время не вышибли из московской милиции. Макеев разделил все приобретенное вооружение на несколько частей и устроил в разных концах Москвы нечто вроде тайных арсеналов.

На деньги, полученные от Лилечки, можно было экипировать взвод спецназовцев, оснастив их самым современным снаряжением, пусть даже каждый из них уже был вооружен и оснащен за пятерых.

Сложнее было определиться с объектами ликвидации. Каждая кандидатура вызывала у компаньонов ожесточенный спор, и только после долгих обсуждений, ругани и взаимных обвинений Макеев с Панфиловым приходили к единому решению.

Панфилов утверждал, что ошибиться им трудно. Если человек пользуется в Москве репутацией криминального лидера, можно не сомневаться не только в том, что на его счету не одна человеческая жизнь, но и в том, что он на этом не остановится. Неважно, по каким мотивам – за деньги или по маниакальной потребности, – но от его руки погибнет еще немало людей в самом ближайшем будущем.

Константин был уверен, что у людей, которые сделали убийство своей профессией, развивается непреодолимая тяга ко все новым и новым убийствам. И скоро уже сам процесс умерщвления человека доставляет им удовольствие. Конечно, он, Константин, не психолог и не берется анализировать, как формируется у них это навязчивое маниакальное состояние, но ему и не надо ничего объяснять. Он просто знает, что это именно так. Он научился обостренно чувствовать противника еще в Афгане, а позже – и в Запрудном, во время разборок с «братвой». И в «зоне», и во время «похода в Дагестан» Константин убеждался в том, что интуиция его практически никогда не подводила.

Макеев же кричал, что не может доверять интуиции, что он привык руководствоваться логикой и точной, проверенной информацией. Они взяли на себя слишком серьезные обязательства, и он не хочет, чтобы от его руки пострадали невинные люди.

Константин просто зверел при словах «невинные люди» и готов был броситься в драку со своим компаньоном, доказывая, что уж ему-то хорошо известно, что в криминальной среде не бывает невинных людей.

В конце концов пришли к такому варианту. Панфилов предлагал очередную жертву, исходя из своих представлений о московской криминальной иерархии, а Макеев проверял, не ошибается ли он, – обращался к своим старым приятелям, имеющим доступ к базе данных МВД, и получал исчерпывающую справку о деятельности человека, которым он интересовался.

И надо сказать, что Панфилов никогда, буквально ни разу, не ошибся, выбирая очередного кандидата для ликвидации. Макеева это поначалу злило, потом просто удивляло, потом эта черта Панфилова его и удивлять перестала. Позже он начал этим просто пользоваться, полностью полагаясь на способность Панфилова безошибочно определять человека, который подходит под их мерки как кандидат в покойники, то есть как объект ликвидации.

Панфилов предложил прежде всего начать с московских киллеров.

– Мы с тобой сделаем Москву таким городом, – говорил он, – которого наемные убийцы будут бояться, как пуганая ворона куста. Если твоя милиция не может этого сделать, я... Прости, Саша, я хотел сказать мы... Мы сделаем это сами, вдвоем с тобой. Не знаю, сколько этих тварей нам придется уничтожить, прежде, чем они поймут, что Москва – опасный для них город. Но я не отступлюсь, я пойду до конца, вот увидишь!

– Что это ты меня убеждаешь, будто я в тебе сомневаюсь? – иронично хмыкнул Макеев. – Или ты сам в себе сомневаешься?

– Да я!.. – вспыхнул Панфилов, но тут же взял себя в руки и рассмеялся. – Ладно, ты прав. Не болтать нужно, а дело делать.

– Костя, объясни мне, неразумному, одну очень простую вещь, – перебил его Макеев. – Как ты собираешься выслеживать этих самых киллеров? Ты что, знаешь, где у них «гнездо»?

– Оставь свою иронию для девочек, – усмехнулся Панфилов. – И не считай меня идиотом. Я уже пару дней над этим голову ломаю. И кое-что все-таки успел придумать. Слушай сюда...

План Панфилова был прост до банальности. Но в некоторых случаях «банальное» еще не значит «неэффективное». Макеев сразу оценил, что идея Константина плодотворна, хотя, может быть, и несколько примитивна.

Денег у них осталось вполне достаточно, рассуждал Панфилов. Ничто не мешает им самим «заказать» убийство какого-то известного человека. Денег хватит. Потом взять этого человека под свое наблюдение и поджидать, когда к нему явится киллер, чтобы исполнить их заказ. И спокойно совершить свой карательный акт.

Едва Макеев открыл рот, чтобы высказать сомнение, не слишком ли большому риску они подвергнут в этом случае человека, из которого сделают приманку, как Панфилов сразу же заткнул его, заявив, что еще одно сомнение в успехе, и он будет работать один. На хрен ему нужны партнеры, которые сомневаются в своих силах!

Но прежде всего необходимо было принять меры предосторожности. Тот, кто примет заказ, не должен знать их в лицо.

На встречу с Лешей Газетчиком Панфилов пошел в парике, с наклеенными усами и со вставленными за щеки ватными тампонами. Макеев долго всматривался в его новое лицо и остался доволен маскировкой. Узнать Константина было невозможно.

Леша Газетчик работал барменом в одной из забегаловок на Садовом кольце и пользовался репутацией человека, который имеет связи с очень серьезными людьми. Но репутация не улика, за одну только репутацию привлечь невозможно, и Леша счастливо избегал ареста даже в тех случаях, когда на него падало подозрение. Милицейское досье на него пухло с каждым месяцем, накапливая сообщения о его причастности к разного рода ограблениям и заказным убийствам, но ни одного прямого доказательства, что именно Леша выступал наводчиком, не было.

Кличку «Газетчик» он заработал в те времена, когда взялся пробовать свои силы в журналистике. Барменских чаевых и гонораров за наводку ему показалось мало, и он решил поработать в газете. А может быть, вовсе и не в деньгах было дело, а просто обуяла Лешу жажда творчества, и он обратился к тому материалу, который знал лучше всего.

Леша пришел в редакцию «Московского репортера» и принес заведующему отделом криминальной хроники несколько небольших сюжетов о преступлениях, совершенных прошедшей ночью. О некоторых из них было сообщено в вечернем выпуске теленовостей. Редактор

поразила умение неизвестного ему автора точно и живописно изображать подробности и детали случившегося.

Подробности и в самом деле были впечатляющими. Леша называл, например, марку пистолета, хотя сам пистолет на месте убийства найден не был. Или вдруг мелькнуло у него упоминание, что один из незадержанных грабителей, почистивших комиссионный магазин, хромал на левую ногу. Редактор считал, что Леша страдает излишней в выбранном им жанре склонностью к фантастике, но вычеркнуть эти подробности забыл или не захотел.

Каково же было его удивление, когда через час после выхода газеты с подготовленными Лешей материалами в кабинет редактора вошли двое в штатском, предъявили удостоверения офицеров ФСБ и поинтересовались, кто автор подборки криминальной хроники. Редактор пожал плечами и назвал Лешины координаты. Лешу арестовали прямо в баре на Садовом кольце, в тот момент, когда он хвастался перед официантами тем, что его фамилия стоит под большой подборкой материалов в популярной московской газете. Официанты не верили, Леша горячился.

Допрашивали его не меньше двенадцати часов, но так и не смогли сбить Лешу с версии, которую он придумал, пока его везли на Лубянку. Леша твердил, что все эти истории, со всеми подробностями, рассказал ему ночной посетитель, очень пьяный молодой человек, которого он никогда прежде не видел, имени его не знает, и как теперь найти его, Леше, естественно, тоже неизвестно. Леша истории запомнил, а утром записал и отнес в редакцию, так как с детства мечтал стать журналистом. Но жизнь распорядилась по-своему, и ему пришлось стать барменом.

Внешность посетителя он описал очень подробно, с его слов был составлен портрет этого молодого человека, но Леша ни разу не сбился, описывая его раз за разом. Он повторял одно и то же, поскольку описывал не абстрактного человека, а известного французского киноартиста Жана Поля Бельмондо, только волосы ему подлиннее сделал, но эту деталь можно было и запомнить.

Короче, Лешу отпустили, хотя извиниться перед ним почему-то забыли. Но главные Лешины неприятности оказались связанными вовсе не с правоохранительными органами. На работе в баре он на следующий день не появился и отсутствовал три дня. Когда же появился вновь, официанты узнали его с трудом, – все лицо было в кровоподтеках, да и передвигался он с заметными усилиями.

После этого он уже не предпринимал попыток реализовать свою мечту о журналистике, но кличка «Газетчик» приклеилась к нему прочно. Не исключено, что именно после этого неприятного случая укрепилось мнение о его тесных связях с серьезными людьми, хотя теперь это уже было бы невозможно установить.

Панфилов заявился к Леше в бар, заказал три порции самого дорогого коктейля с идиотским названием «Зачем жениться» – термоядерную смесь из самых серьезных напитков: джина, коньяка, сорокаградусного апельсинового ликера «Куантро» – и, усевшись у стойки, завел разговор о том, о сем.

Расспросив Лешу о последних московских новостях и рассказав ему пару анекдотов, Константин объявил, что у него сегодня день рождения, и приказал угостить всех в зале не менее дорогим коктейлем «Золотой палец» из золотистой текилы и того же «Куантро» с лимонным соком. Смесь, как утверждал Леша, получается сногсшибательная.

Если учесть, что на каждой порции Леша, умело изменяя технологию приготовления коктейля, неплохо зарабатывал, заменяя дорогой ликер дешевым апельсиновым соком, для крепости подливая водку, вкус которой перебивался текилой, можно представить его интерес к загулявшему клиенту. Восемнадцать коктейлей, за которые заплатил Панфилов, подняли выручку бара, и Леша, размечтавшись о том, сколько он после окончания смены «снимет» с хозяйских денег себе в карман, проникся к Константину искренней симпатией.

Панфилов продолжал болтать, нес всяческую околесицу, но часа через два погрузнел и поскучил, а на сочувственные Лешины замечания пояснил, что у него серьезные проблемы. Леша осторожно намекнул, что любую проблему можно решить, было бы желание и деньги.

Константин сначала отмахивался от Лешиного интереса, становившегося все пристальнее, но в конце концов рассказал душещипательную историю о любви приезжего вора-гастролера к московской красавице, которая предала его и бросила. И сейчас крутит любовь с директором аэропорта «Шереметьево».

А он все еще любит ее и ждет. Но этот гад из «Шереметьева» засыпал ее деньгами, возит по самым престижным курортам мира на служебных самолетах... Словом, «убить его мало», но...

Он, Константин, вор, а не убийца, никого еще за свою жизнь не убил, хотя руки и не чесались. Да он прирезал бы этого придурка, но его же обязательно заметут, опыта никакого...

И что получится? Он на отсидке, а она опять с кем-нибудь сойдется.

Леша уже не сомневался. Он сразу назвал сумму. Это мог оказаться очень выгодный заказ.

Дело в том, что директор аэропорта «Шереметьево» Станислав Николаевич Гусев давно уже раздражал своей несговорчивостью одну солидную группу бизнесменов, которая пыталась организовать ввоз в столицу через этот аэропорт крупных партий левого алкоголя, прикрытых липовыми документами. От Гусева зависело, сможет ли работать цепочка, не привлекая внимания налоговой полиции.

Но Станислав Николаевич, недавно попавший на эту должность, не проявил необходимой в подобных случаях проницательности и потребовал за свои услуги слишком много. Если отдавать Гусеву двадцать пять процентов, на которых он настаивал, операция теряла весь коммерческий смысл. Гусева уговаривали по-всякому, угрожали, но – безрезультатно. Раздражение на него уже оформилось в более конкретную форму, заказ уже, можно сказать, поступил.

А обратиться за помощью в этом деле обиженные на Гусева бизнесмены должны именно к Леше, поскольку были постоянными клиентами его бара. Леша вывел бы их на настоящего «диспетчера», с которым они сами договорились бы и которому заплатили бы. Леше бы тоже кое-что перепало, но так, совсем немного. А тут на одного и того же человека фактически поступил второй заказ.

Леша сразу почувствовал возможность заработать. Это же очень редкий случай, когда на одного и того же человека поступает сразу два заказа. Это означает, что все деньги, которые Леша сдерет с этого пьяного клиента, он положит в свой карман, ведь убийство-то Гусева оплатят совсем другие люди! Нет, так Леше редко везло!

Еще через час совершенно трезвый Панфилов вышел из бара, договорившись встретиться с Лешей после того, как кончится его смена, то есть в пять утра.

Леша сказал, что все организует, от Панфилова требуется только принести деньги, – пятьдесят тысяч долларов. Константин округлил глаза, но Леша уверенно объяснил ему, что ради любви не стоит мелочиться.

Женщины, случается, стоят и дороже.

Глава 2

Использовать Гусева в качестве приманки предложил Макеев. В отличие от Панфилова, он не стремился слишком сильно афишировать их дебют. А сам Гусев был фактически фигурой случайной.

Просто он занимал опасную должность. Макееву было хорошо известно, что двух его предшественников на руководстве аэропортом убили, причем точно было установлено, что в обоих случаях это были заказные убийства. Третье убийство на одной и той же должности не могло вызвать особой паники, как ни странно это может показаться.

Точнее сказать, заказного убийства-то и не будет, убит будет сам киллер. Но неудачная попытка ликвидировать Гусева станет, конечно, известна и вызовет вопросы. Вот пусть с самим Гусевым и разбираются. Естественно ведь предположить, что его убийство предотвратила другая группа, с которой у Гусева нет никаких проблем.

Словом, для милиции откроются очень большие возможности поупражняться в построении различных версий этого убийства. И начнут они топтаться от самого Гусева, от его связей.

Это Макеева вполне устраивало. У него не было никакого желания встречаться со своими бывшими коллегами по охране правопорядка.

Гусев был удобен еще и тем, что охранять его было довольно просто. Изучив систему его охраны, Макеев понял, что им с Панфиловым придется лишь перекрыть наиболее опасное направление, так как в целом безопасность Гусева обеспечивалась на довольно высоком уровне. Во время рабочего дня достать его было практически невозможно, поскольку с ним неотлучно находились трое охранников. Кроме того, в служебные помещения аэропорта постоянно человеку не так-то легко было проникнуть.

Гораздо более перспективным для предполагаемого убийцы было вечернее время, а особенно тот момент, когда Гусев возвращался к себе домой, в квартиру на Малой Никитской, недалеко от Никитских ворот. Район представлялся охране довольно безопасным, поскольку на Малой Никитской находилось не менее десятка посольств иностранных государств, правда, большей частью экзотических, – малозаметных на географических картах Африки и Азии.

Но тем не менее охрана посольств была организована вполне серьезно, без скидок на опереточность представляемых государств. Еще со времен, когда Малая Никитская называлась улицей Качалова, на ней была самая высокая концентрация работников правопорядка на каждый квадратный метр уличной территории. Удобных путей отхода с огневого рубежа на Малой Никитской не существовало из-за тех же самых бдительно охраняемых посольств, через которые нельзя было пройти незамеченным, особенно в том случае, если поблизости произошло чрезвычайное происшествие.

Посоветовавшись между собой и представив себя на месте киллера, Макеев с Панфиловым разработали модель его наиболее вероятного поведения. Киллер должен был выстрелить в Гусева, когда тот будет входить в подъезд.

В квартире Гусева не достать, в круглосуточно охраняемом подъезде его дома взрывное устройство незаметно установить тоже не удастся. Остаются лишь те несколько секунд, когда Гусев идет от машины к подъезду. Именно в этот момент можно произвести прицельный выстрел, правда, по движущейся цели, но для хорошего стрелка этого времени вполне достаточно. Еще один нюанс заключался в том, что у киллера не было возможности произвести контрольный выстрел, цель он должен был поразить с первой попытки. Это обстоятельство могло продиктовать выбор оружия, для верности вполне могло быть использовано что-нибудь солидное, вроде гранатомета.

Но тут начинало действовать другое обстоятельство. Установить гранатомет в здании напротив не было никакой возможности, так как напротив гусевского дома находилось посоль-

ство африканской державы. Это же обстоятельство затрудняло вообще проведение теракта. Затрудняло, но не исключало.

После длительного обсуждения Макеев с Панфиловым пришли к выводу, что будет автоматическое многозарядное оружие, скорее всего, автомат типа «аграм-2000» или, на крайний случай, «АКМ». Исходя из этих вполне логичных предположений, они и строили свою тактику выслеживания наемного убийцы.

Главная сложность для выполнения их задачи происходила из того же, что мешало и наемному убийце. Партнерам-карателям необходимо было обеспечить постоянное наблюдение за подъездом дома Гусева, особенно в вечернее время. Но на Малой Никитской невозможно было торчать часами на глазах охраны посольства без риска привлечь к себе совершенно не нужное внимание.

После долгих размышлений над предполагаемыми действиями наемного убийцы Макеев пришел к выводу, что тот будет появляться напротив дома Гусева только тогда, когда он обычно возвращается домой.

С помощью нехитрых экспериментов они вычислили время, которое необходимо для того, чтобы оказаться рядом с домом Гусева в нужный момент после того, как его машина появится в поле зрения наблюдателя. И от угла Спиридоновки, и от угла улицы с противоположной стороны, новое, вернее старое, название которой Макеев никак не мог запомнить и называл ее по-прежнему улицей Наташи Кочуевской, до гусевского дома можно было идти довольно спокойным шагом за двадцать четыре секунды.

Если чуть поторопиться, то можно успеть и быстрее. Учитывая, что самого Гусева им убивать не нужно, его машина интереса у них не вызывала. А вот человек, который будет двигаться параллельно ему, то есть киллер, окажется их целью. Останется только нейтрализовать его прежде, чем он выйдет на огневой рубеж.

Дежурить на Малой Никитской Макееву с Панфиловым пришлось всего два дня. В первый день машина с Гусевым благополучно проследовала от Спиридоновки до его дома, сопровождаемая одним Панфиловым.

Ни один человек не спешил за ней, чтобы успеть к тому моменту, когда Гусев будет выходить из машины. Ни один человек не ждал его напротив подъезда.

Вечером следующего дня Панфилов твердо настоял на том, чтобы Макеев вновь занял свое место на углу улицы Наташи Кочуевской, хотя наиболее вероятным было предположить, что Гусев приедет вновь со стороны Спиридоновки, как и накануне. И, как выяснилось, интуиция не подвела Панфилова и на этот раз.

Он напрасно проторчал на углу Спиридоновки контрольное время и решил, что Гусев где-то задерживается. Константин нервно прохаживался по тротуару, поглядывая на часы и теребя в руках осточертевший ему букет цветов. Он изображал, что поджидает женщину, которой назначил свидание.

Гусев приезжал обычно в половине десятого вечера, если не задерживался где-то на вечернем рауте, но это происходило достаточно редко. Сейчас было уже без пятнадцати десять, и Константин решил, что и сегодня день пройдет впустую.

Он посмотрел в сторону дома Гусева и вдруг увидел, как к дому подъезжает красный гусевский «Мерседес».

Константин не волновался, но сердце его забилося учащенно скорее от охотничьего азарта, чем от волнения. Волнуются только те, кто сомневается в своих силах. Остальные действуют хладнокровно... Впрочем, нет, кровь начинает бежать по жилам быстрее, это факт неоспоримый.

Панфилов успел еще подумать и о странном обстоятельстве, заключающемся в том, что убийство, – а то, что они собираются с Макеевым осуществить, – именно убийство, хотя и справедливое, – помогает ему острее ощутить жизнь. Смерть и жизнь, оказывается, очень тесно

связаны между собой, хотя Константину и трудно было сейчас понять, в чем именно заключается суть этой связи.

Он успел лишь запомнить, что эта мысль его поразила, и подумал, что прежде никогда не размышлял о подобных вещах. Может быть, напрасно...

В следующее мгновение он услышал звук выстрела. Прежде, чем он успел сообразить, что это может означать, Панфилов с букетом цветов бросился по Малой Никитской улице, к дому, возле которого стоял красный «Мерседес».

Он пробежал метров десять, когда услышал хлопки новых выстрелов.

Константин остановился, потому что сообразил на бегу, что действует неправильно. Он прижался к каменному столбу в середине какой-то ограды и попытался оценить обстановку, чтобы понять, что происходит впереди, напротив гусевского дома.

Разобраться было не просто. Прямо на него бежал человек с автоматом в руках. Лица его не было видно, потому что он бежал, согнувшись и низко наклонив голову, как легкоатлет на низком старте.

За ним – еще двое. Они двигались гораздо медленнее и держались прямо. Один из них, тот, что был на несколько метров впереди, стрелял по человеку с автоматом из пистолета.

Макеева Константин не увидел.

Только теперь он понял всю глупость их первоначального плана. Да, они правильно угадали и место, и время покушения, и даже вид оружия, который использует убийца. Они не предвидели одного-единственного обстоятельства – любой промах в их действиях, любая малейшая ошибка приведет к тому, что события начнут развиваться совершенно непредсказуемым образом, и ничего изменить в их течении им с Макеевым уже не удастся.

Именно так они сейчас для Константина и развивались. Он не знал, что произошло у дома Гусева, не знал, что случилось с Макеевым, не знал даже, жив ли он вообще? Да и Гусев – удалось ли киллеру провести ликвидацию? Или ему кто-то помешал – то ли Макеев, то ли охрана? Ни на один из этих вопросов Константин ответа не знал.

Но одно он понял очень хорошо. Бегущий прямо на него человек с автоматом – наемный убийца, которого они с Макеевым поджидали.

Едва Константин успел это подумать, как бегущий оглянулся, отшвырнул от себя автомат и поднял, наконец, голову. Константин увидел, что его лицо закрывает черная маска, на фоне которой белыми пятнами выделяются прорези для глаз.

Больше Константин не раздумывал. Он выхватил из букета пистолет, который там прятал, и, шагнув от столба в сторону проезжей части, выстрелил бегущему на него человеку прямо в голову.

Тот сделал еще несколько шагов и почти достиг Константина, хотя лица у него практически уже не было: разрывная пуля сделала свое дело.

Киллер тяжело упал у самых ног Панфилова, а тот словно принял от него эстафетную палочку и бросился вдоль улицы к тому самому перекрестку, от которого недавно бежал на выстрелы.

Добежав до Спиридоновки, Константин оглянулся и сразу же замедлил бег.

Охранники его не преследовали. Один из них стоял рядом с телом убитого человека, а второй присел над трупом и обыскивал карманы одежды, в которую был одет киллер.

Свернув за угол, Константин перешел на шаг и уже не выделялся среди редких прохожих. Ему предстояло дойти до ближайшего угла, за которым его поджидала приобретенная накануне «девятка».

Из-за этой «девятки» у них с Макеевым вышел даже спор. С тем, что машину купить необходимо, были согласны оба. Но Панфилов предлагал купить «Ауди», поскольку любил ездить быстро и вообще – как бы сливался с машиной в одно целое, в единый организм, ощущая ее возможности, как продолжение своих.

Панфилов любил в машинах мощь, скорость и маневренность. Комфорт стоял для него на втором месте, подчиненном главным качествам современного автомобиля.

Макеев же, относившийся к машинам более прохладно, не понимал, зачем тратить деньги «впустую», как он выразился, и покупать дорогую машину, если ездить на ней будешь только от случая к случаю. Ведь законы конспирации требовали использовать машину, на которой они собирались уходить с места действия, очень ограниченно, и не пользоваться ею в обычное время, при обычных обстоятельствах.

Да и к тому же страдал Макеев надуманным или внушенным ему патриотизмом, отдавая предпочтение отечественным маркам даже в тех случаях, когда они явно проигрывали зарубежным.

И все же ему удалось убедить Панфилова. Решающую роль сыграло утверждение Макеева, что на «девятке» гораздо легче затеряться в Москве, чем на «Ауди». Панфилов хотел спорить – в Москве, мол, чертова уйма этих самых «Ауди», – но вдруг согласился и прекратил возражать Макееву. Он просто подумал, что сколько бы ни было в Москве «Ауди» или «Мерседесов», наверняка «девяток» и прочих «жигулят» в сотню раз больше.

Сев в машину, Константин прежде всего осмотрелся по сторонам и только после этого тронулся с места. Гаишники на посту у Никитских ворот не проявляли никакого беспокойства, выстрелов они наверняка не слышали.

Слежки за собой или какого бы то ни было преследования Константин не заметил. И все же сделал, на всякий случай, несколько совершенно нелогичных и не выгодных с точки зрения любого водителя поворотов. Ни одна из машин, следовавших за ним, не повторила его маневров. «Хвоста» не было.

Только после этого он решил проехать по Малой Никитской. Не доезжая метров пятидесяти до дома Гусева, он наткнулся на поставленный поперек проезжей части Малой Никитской милицкий автомобиль. Возле него стоял милиционер и заворачивал все машины, впрочем весьма немногочисленные, обратно.

– Что случилось? – спросил у него Панфилов, выглянув в окно.

– Давай, давай отсюда! – строго и раздраженно прикрикнул на него милиционер. – Без тебя разберемся... Разворачивайся.

Панфилов повернул обратно.

Оставалось отправиться на контрольную точку встречи, о которой они договорились с Макеевым. До нее было не так уж и далеко. Договорились они встретиться на стоянке, рядом с Арбатскими воротами. Когда Панфилов туда приехал, то издали заметил старенькую «шестерку», на которой должен был прибыть на контрольную точку Макеев. Жив, значит! Ничего, значит, с ним не случилось.

Панфилов поставил «девятку» неподалеку от макеевского «жигуленка» и выскочил из машины навстречу вылетевшему Макееву.

– Никаких разговоров, Костя, – выставил вперед ладонь Макеев. – Сам все знаю и согласен, что полностью во всем виноват! Но разговаривать ни о чем не буду, пока мы с тобой не выпьем чего-нибудь покрепче. Не знаю, как тебе, а мне это сейчас просто необходимо.

– Я не против выпить, – ответил Панфилов. – Но я не понимаю, что ты такое сейчас плетешь! В чем ты виноват, можешь объяснить хотя бы?

– Что тут объяснять? – встрепнулся Макеев. – Облажался я! Со всех сторон облажался. Гусев, скорее всего, убит. Этот гад успел по нему выстрелить прежде, чем я вмешался. И еще – я видел, как Гусев после выстрела упал. А вот его убийца не упал, хотя я дважды в него стрелял. Поторопился, как видно, да и нагнулся он слишком низко, трудно в него было попасть с расстояния, на котором я оказался... Хреновый план мы с тобой придумали. Подставили ни в чем не повинного человека...

– Ох, Сашка, и романтик же ты неисправимый! – усмехнулся Панфилов. – С чего это ты взял, что за Гусевым не числится никаких грехов?

– Но у нас же нет доказательств! – воскликнул Макеев. – Пока не доказано, что человек виновен...

– Он не виновен? Так что ли? – перебил его Панфилов. – Презумпция невиновности? Как же, как же, слышали! Только я придерживаюсь противоположной точки зрения, когда речь идет о всех этих современных коммерсантах и руководителях крупного масштаба. Пока они не докажут мне, что они ни в чем не виновны, что за ними не числится ни одного погибшего от их руки или от их действия, равно как и бездействия, пока не убедят меня, что не украли свои миллионы рублей, да каких там, к черту, рублей – долларов! Каждого из них я буду считать виновным во всем, что я тут перечислил. И не надо ни в чем меня убеждать и разводить абстрактный гуманизм. Я сам был вполне конкретным коммерсантом-бизнесменом и прекрасно знаю всю подпольную кухню любой операции в этой сфере. Знаешь, раньше была поговорка: «Не пьют только язвенники и трезвенники». Так вот, среди коммерсантов ни в чем не виноваты только те, у кого руки не тем концом вставлены. А таких уродов очень мало, поверь мне...

Тут он вдруг словно опомнился и хлопнул Макеева по плечу.

– Впрочем, довольно об этом! – заявил он. – Выпить тебе действительно надо. Иначе у тебя начнутся необратимые процессы в психике.

Макеев посмотрел на него в недоумении.

– Переход от бурной самокритики к буйной радости может иметь серьезные последствия для твоей слабенькой «крыши», – ухмыльнулся Константин. – Если этот Гусев и убит, то не зря. Киллера я уложил, это точно, можешь не сомневаться. Он выбежал прямо на меня. А о судьбе Гусева мы сейчас узнаем, это не сложно.

Константин тут же достал из кармана сотовый телефон и набрал номер «Дежурной части» на РТР. Представившись соседом Гусева по дому, он сообщил дежурному корреспонденту, что у них прямо напротив подъезда произошло происшествие со стрельбой, в результате которого убит директор аэропорта «Шереметьево».

Как и предполагал Константин, его долго слушать не стали, а проворчав что-то по поводу маразма, в двух словах объяснили, что, во-первых, убит не Гусев, а нападавший на него человек, а во-вторых, на место происшествия съемочная группа уже выехала, а его попросили не мешать работать. Больше дежурный редактор Константину ничего не сказал, в трубке послышались сигналы отбоя.

Но больше ничего Константину и не нужно было, он узнал все, что хотел.

Сообщив обо всем, что удалось узнать, Макееву, он еще раз хлопнул его по плечу и потащил в ближайший ресторан. Макеев и в самом деле был несколько ошеломлен на его глазах вывернувшейся наизнанку ситуацией. Он машинально подчинялся Панфилову и следовал за ним.

Панфилов купил бутылку французского «Лагранжа», придирчиво осмотрел его со всех сторон, внимательно принюхался, попробовал на язык и объявил:

– Польша! Конечно, не Франция, но, по крайней мере, гораздо западнее Обнинска, в котором, как мне известно, производят фирменные якобы молдавские вина из спирта, красителей и ароматизаторов... Давай, Саша! В Польше, наконец, научились делать очень даже неплохие подделки под французов. Могу засвидетельствовать, что это намного лучше того польского «Наполеона», который я сам продавал в Запрудном лет восемь назад. То была вообще настойка на клопах, по-моему. И ничего, разошлась. Тогда из-за одних этикеток «Наполеон» брали, как жерех с голодухи – на окурки бросается, голый крючок готов сожрать.

Константин налил по большой рюмке коньяка и кивнул Макееву.

– С почином, Саша! – объявил он. – Пей! И рассказывай, как это ты выгнал на меня эту сволочь, да еще и приманку сумел сберечь?

Макеев выпил, зажмурился и посидел несколько секунд молча, смакуя вкус коньяка.

– Оpozдал я, – сказал он. – Этот хмырь нас с тобой обдурил. Он прятался за каким-то заборчиком между двумя зданиями. Мы с тобой проглядели его, когда улицу осматривали. А заборчик этот в два раза ближе к подъезду Гусева, чем угол, на котором я торчал... Ну! Я стою спокойно, ни души на улице. Сегодня, думаю, опять спокойно все закончится. И вдруг вижу, как далеко впереди меня через забор перепрыгивает на улицу темная фигура в маске и с автоматом в руке. Я как раз в эту сторону смотрел, если бы отвернулся в этот момент, все, он бы свое дело сделал, я бы и среагировать не успел... А тут едва я увидел, что он меня опережает намного и уже метров десять ему остается до того места, с которого стрелять сможет, как я тут же вскинул пистолет и выпалил в белый свет, как в копеечку. Уверен был, что не попаду в него, поэтому даже целиться не стал, рассчитывал только подать сигнал охране, чтобы они его, значит, задержали... Но охрана и не подумала на него бросаться. Охранники первым делом сразу же после моего выстрела сбили Гусева с ног и повалились на него, а уже потом стали свои пушки по сторонам выставлять.

Макеев перевел дух и выразительно посмотрел на бутылку. Константин налил еще по полной рюмке.

– Он, видно, сразу сообразил, что назад, туда, откуда я в него стрелял, дороги нет, – продолжал Макеев. – Поэтому он ломанулся в другую сторону, прямо мимо охраны, которая еще не успела свои пистолеты поднять. Выпалил из своего автомата не целясь, только для того, чтобы охранники подольше голов не поднимали, и мимо «Мерседеса» – ходу в сторону Спиридоновки... До меня дошло, что охранники не знают, кто из нас пытался Гусева убить, – я или тот хмырь, который мимо них с автоматом пробежал. И погонится охрана за тем, кто ближе к ним окажется. К тому же я видел, как Гусев упал. Возможно, конечно, что он не ранен даже. Но в тот-то момент я этого не знал... Словом, я понял, что надо разворачивать оглобли на сто восемьдесят градусов и включать форсаж.

Макеев взял рюмку и опрокинул в рот. Панфилов поморщился.

– Ты коньяк как неразбавленный спирт пьешь, ей-богу! – возмутился он. – Хотя и польский, но требует к себе хотя бы небольшого уважения. Его надо медленно пить... Ну, по крайней мере, – спокойно, а не заливать в рот, как компот.

Макеев досадливо отмахнулся от его наставлений по этикету.

– Я и рванул оттуда на полном газу, – закончил он свой рассказ. – Беспокоился только, пока сюда добирался, не приключилось ли там с тобой каких-то непредвиденных обстоятельств, – ситуация-то все же нештатная, так сказать. Он же на тебя словно заяц из кустов выскочил.

– Что ж такого, что заяц! – возразил Константин. – Брали мы и зайцев, не особенно трудное это дело... Не волнуйся, я попал всего один раз, но этого оказалось достаточно. Правда, в лицо его теперь опознать невозможно, ну, это не проблема, опознают по отпечаткам пальцев. Он наверняка должен быть в их картотеке.

Константин налил еще коньяка и поднял свою рюмку.

– Я предлагаю выпить за нашего следующего, – сказал он, и поскольку Макеев молча пожал плечами в ответ, добавил: – Я еще не знаю его имени, но уже пью за него. От своей смерти он теперь уйти не сможет, потому что мы с тобой ей поможем. Это уже трое на одного – ему не устоять. А я... Я сейчас попробую представить, кого мы ликвидируем следующим...

Константин закрыл глаза и откинулся на спинку стула.

Он сидел так около трех минут, потом резко открыл глаза и сам весь встрепенулся.

Панфилов уже точно знал, кто станет их следующим объектом.

Глава 3

– Нам с тобой что нужно? – спрашивал Панфилов Макеева на следующее утро, когда оба, проспавшись, вновь вернулись к единственной занимающей теперь их умы теме. – Нам нужен шум вокруг нашей акции. Причем, любой шум. Нам-то с тобой, собственно, без разницы, где переполох случится, в криминальных кругах или в официальных, так сказать, верно? Лишь бы о наших делах все заговорили, рекламу нам создали. Иначе у нас ничего не выйдет. В идеале каждая наша ликвидация должна тут же становиться известна всей Москве, верно?

– Ну, верно, – кивнул хмурый Макеев, страдающий нестерпимой головной болью, но наотрез отказавшийся от предложения Панфилова руководствоваться гомеопатическим девизом «подобное лечится подобным» и применить в качестве лекарства тот же самый французский коньяк «Лагранж» польского производства.

Отказавшийся от противного до тошноты, но спасительного лекарства, Макеев был мрачен и неразговорчив. В голове у него засела всплывшая в памяти фраза, невесть откуда туда залетевшая: «Значит, будем это место удалять!» Фраза эта принадлежала явно врачу, и речь в ней шла, без сомнения, о месте, которое болит. Но о каком месте шла речь и кто был этот врач, Макеев вспомнить не мог, так как любое напряжение, как физическое, так и умственное, вызывало у него в затылке небольшой ядерный взрыв локального действия, – взрывная волна от него прокатывалась только по его измученному ядерными испытаниями мозгу, и лишь приглушенные ее отголоски докатывались до желудка, вызывая приступы тошноты.

– Ну, – повторил Макеев уже без кивка, стараясь не шевелить лишний раз своей несчастной головой.

– Баранки гну! – ответил ему Панфилов, который от гомеопатической дозы коньяка не отказался и был теперь не только рассеян но бодр, но даже и несколько оживлен. – Ну с Гусевым мы добились того, что этот случай на всю Москву показали сразу три канала в криминальных новостях...

– Не нас показывали, – уточнил Макеев. – Гусева показывали.

Панфилов на несколько секунд задумался и согласно кивнул.

– Ты прав, – подтвердил он. – Известны всей Москве стали не мы, а дело наших рук. Почему? Потому, что у нас нет имени! Репутации у нас нет, такой, чтобы при одном упоминании о нас у всех московских киллеров возникало желание хватать чемоданы и сломя голову бежать на вокзал или в аэропорт...

Панфилов сделал паузу и, не дождавшись ни возражений, ни согласия Макеева, продолжал:

– Я предлагаю прежде всего позаботиться о нашей репутации, – сказал Константин. – Ждать, когда она сама собой сложится, – никакого терпения не хватит. По крайней мере у меня... Про тебя, Сашка, я ничего не говорил. Ты можешь годами, по-моему, терпеть. Я – нет! Поэтому о создании репутации нам придется позаботиться самим, создать ее своими руками.

– Схема такая, – Панфилов тронул Макеева за плечо, от чего тот болезненно сморщился. – Смотри сюда! Устраиваем небольшой, но весьма заметный и трудно объяснимый привычными версиями тарарам. К примеру... Нет, об этом чуть позже. Потом выступаем по ОРТ или, там, по РТР, разницы нет, главное, чтобы на всю Россию! И объясняем, зачем мы устроили этот небольшой тарарам и что мы хотели им показать всем остальным нашим клиентам. Ну, как?

Панфилов вопросительно посмотрел на развалившегося на стуле Макеева. Тот долго молчал, выбирая, по-видимому, наиболее короткую из подходящих по смыслу к тому, о чем он хочет спросить, фраз. Наконец, Макеев решил задать свой лаконичный вопрос.

– Как? – произнес он.

– Что, «как»? – переспросил в недоумении Панфилов. – Это я тебя спросил...

Тут до него дошло, что Макеев вынужден прибегнуть к принципу экономии усилий, поэтому его вопрос оказался излишне лаконичен.

– А-а... – сообразил Панфилов. – На телевидение, в смысле, как мы попадем?

Макеев опустил веки в подтверждение правильности догадки Панфилова, надеясь, что этого окажется достаточно, чтобы Константин его понял. Но тому и подтверждения никакого не нужно было.

– Так это вообще элементарно! – заявил он. – Предоставь это мне. Нас покажут все пять московских каналов, или сколько у нас их там есть, не знаю даже точно. От таких материалов настоящие журналисты не отказываются.

– Никаких интервью! – проворчал Макеев.

– Обижаешь, старик! – возразил Панфилов. – Я придумал кое-что получше. Что там интервью?.. Мура. Ладно, я тебе все предварительно растолкую и покажу, без твоего согласия – ничего и никуда, слово даю! Теперь о тарараме, – продолжал он. – Устранили мы киллера, который намеревался ликвидировать Гусева. Кому об этом известно, кроме самого Гусева? Очень ограниченному кругу лиц. Охранникам Гусева, а это значит, практически всему аэропорту «Шереметьево» – раз. Милиционерам, прибывшим на место происшествия, – а это значит еще десяток человек, максимум. Наконец, тем, кто стоит за убитым нами киллером, – не в одиночку же он работал. Но группа эта вряд ли многочисленная. Это – три. И наконец, нам с тобой. Это – четыре. Теперь рассуждаем. Мы с тобой, естественно, не в счет, – начал Панфилов разгибать только что загнутые пальцы. – У милиции такие случаи не редкость, они о нем к утру забыли уже, считай, ими можно пренебречь... Хозяева или там сподвижники убитого – тоже не в счет. У них отношение к этому убийству особое, но совсем по другим причинам. Объект, за ликвидацию которого они получили деньги, остался жив. Естественно, они начнут нервничать. И пошлют второго – деньги-то надо отрабатывать... Не сразу, естественно, пошлют. Гусев сейчас в пять раз сильнее беречься станет, да и не подойдешь к нему пока, просто-напросто. Но через несколько дней, максимум, – через пару недель, когда шум вокруг покушения уляжется, да и Гусев окончательно поверит, что остался жив, они повторят попытку ликвидации. Вот увидишь! Вернее, что я говорю? Как ты ее увидишь? Я же предлагаю не дожидаться, пока они опомнятся, и сделать самым первым шаг.

Панфилов тронул рукой свой лоб, вспоминая мысль, от которой начал рассуждения.

– Ах, да! – сообразил он. – Известие о совершенном нами убийстве киллера активно разойдется только по работникам аэропорта «Шереметьево» плюс весьма ограниченное число знакомых Гусева. Согласен, в «Шереметьеве» работает куча народа, но что эта куча значит по сравнению с населением всей Москвы? Она ничтожно мала!

Добравшись наконец до своего вывода, Панфилов облегченно вздохнул. После вчерашнего коньяка логика давалась ему с трудом.

– То, что мы с тобой выбрали в качестве приманки Гусева, – наша ошибка, если по большому счету, – сказал Панфилов. – Но расстраиваться из-за этого и пытаться ее исправить мы с тобой не будем. Потому что... Потому что из каждой ошибки можно извлечь очень много полезного для себя. Нужно только перестать считать ее ошибкой... Не помню, кто сказал. То ли Конфуций, то ли я сам это только что сформулировал. Впрочем, речь не о том.

Он сделал многозначительную паузу.

– Итак, Гусев остался жив, – продолжил свои объяснения Константин. – Исполнители, которым мы уже заплатили, обеспокоены. Насколько я знаю, у них принято гонорары отрабатывать в любом случае. Но они должны успокоить заказчика, то есть нас с тобой, вернее, меня, ведь я заказал это убийство. Связаться со мной они смогут только через бармена, Лешу Газетчика. Встречаться с ними я, естественно, не собираюсь, мне совершенно ни к чему с ними

знакомиться раньше времени. А вот проследить за Лешей и узнать, кто именно подписался выполнить мой заказ на Гусева, мы можем.

Макеев скептически скривил губы, сомневаюсь, мол.

– И напрасно сомневаешься! – тут же отозвался Панфилов. – Верно: и моего лица, и твоего им лучше не видеть, поскольку это может нам сильно помешать, когда мы нанесем им решающий визит... Я хотел сказать удар, ну, да все равно. Но нам с тобой и не придется следить за Лешей-барменом. Вспомни-ка, Макеев, у нас с тобой есть деньги, которые мы заработали честным трудом. Мы можем позволить себе не заниматься утомительной черной работой, а нанять для этого других!

Макеев бросил на Константина встревоженный взгляд.

– Нет, никого я не собираюсь приглашать в нашу с тобой небольшую компанию, – досадливо поморщился Панфилов. – Я хочу всего лишь нанять профессиональных сыщиков для того, чтобы они тщательно проследили за Лешей Газетчиком и обо всех его контактах в предстоящие дни сообщили нам с тобой.

– Еще лучше, – проворчал Макеев. – Тогда мы перед этими частными сыщиками засветимся. Еще неизвестно, что хуже. Знаю я этих частных сыщиков... Им только стоит что-нибудь унюхать, не отделаешься потом, всю жизнь за их молчание платить будешь...

– Эк тебя прорвало! – удивился Константин. – А зря, повода-то нет для твоего красноречия. Ни с какими сыщиками я общаться тоже не намерен.

Константин достал из кармана сотовый телефон и набрал номер частного сыскного бюро, номер которого узнал заранее.

Панфилов не опасался, что по номеру сотового телефона его могут вычислить. Это пришло ему в голову еще тогда, когда он разговаривал с менеджером фирмы, продающей эти телефоны, и тот объяснил Константину, что за небольшую дополнительную плату ему лично он берется устроить так, что имени заказчика, то есть Панфилова, не будет знать вообще никто. Приобретенный им телефон будет зарегистрирован на некоего Иванова Ивана Ивановича, проживающего по адресу: Москва, Ивановская площадь, строение 1, квартира 1.

«Если вашим номером, а вернее, вами самими кто-то заинтересуется, фирма сообщает этот адрес, названный якобы клиентом, и отправляет интересующихся в Кремль, где, как известно, и находится Ивановская площадь».

Правоохранительные органы после этого понимают, что на этот раз их провели, обещают прикрыть фирму и исчезают, так и не приведя в исполнение свою угрозу. Частные сыщики, тоже сообразив, что Иван Иванович личность абсолютно мифическая и попасть на беседу к нему гораздо сложнее, чем добиться приема у Президента России, начинают предлагать деньги, потом, истратив довольно незначительные, впрочем, суммы, пытаются набить морду и, не сумев этого сделать, тоже исчезают. Таким образом, тайна вашего телефонного номера останется никем не раскрытой».

А в качестве гарантии менеджер не проявлял никакого интереса ни к имени клиента, ни к его месту жительства, ни к какой-либо другой информации о нем.

Достав из кармана телефон, владельцем которого числился Иван Иванович, проживающий в Кремле, Константин за пять минут договорился с директором фирмы «Престо» о заказе на наблюдение и отслеживание контактов бармена Лешы по прозвищу Газетчик из забегаловки под названием «Счастливый случай». Наблюдение «Престо» начнет немедленно, а деньги Костя сегодня же переведет на их счет в банке. Если завтра деньги на счет не поступят, наблюдение будет прекращено.

Директор поломался совсем немного, опасаясь, что заказ по телефону, – всего лишь глупая шутка какого-нибудь идиота. Но заказов у фирмы было немного, а свободных людей навалом, и директор решил рискнуть, благо ничего особенного не случится, если все это окажется все же шуткой... Но на следующий день его бухгалтер сообщил, что банк перевод денег под-

тверждает, и директор взялся за выполнение заказа с удвоенной энергией. К единственному агенту, отправленному им в «Счастливый случай», он отрядил в помощь еще двоих, посадил в офисе диспетчера, которому они каждые полчаса подробно докладывали обстановку и, кроме того, сообщали о всех зарегистрированных ими контактах объекта наблюдения.

Диспетчер фиксировал каждый Лешин контакт и принимал оперативное решение о необходимости идентификации контактера. Некоторыми контактами Леша диспетчер пренебрегал, например, его разговорами с официантами и администратором бара, хотя и они были записаны с помощью специальной аппаратуры, которую держали в зале, сменяя друг друга три «престовских» сыщика.

Особое внимание диспетчера было обращено на подходящих к барной стойке клиентов. Благо, время было еще утреннее, народу в «Счастливом случае» почти не было, и диспетчер вполне успевал не только сделать заключение о сути происшедшего контакта, но и тут же принять решение о целесообразности установления личности очередного Лешинского контактера.

Он попытался представить, что будет в баре вечером, когда к бармену будут обращаться несколько человек одновременно, а ему придется заочно разбираться во всей этой какофонии звуков, и пришел в тихий ужас. Это же просто с ума сойти можно!

Но Леша неожиданно объявил официантам, что работать сегодня не сможет, берет отгул, и старший официант с радостью предложил его подменить. Радость его объяснялась тем, что все деньги, которыми расплачивались клиенты, проходили через Лешу, поскольку касса находилась у него за стойкой. Ни одна копейка, кроме чаевых, которые клиенты оставляли официантам на столах, не проходила мимо Лешы. А тут он сам фактически предложил официантам провести дележку всего, что им удастся продать своего под видом хозяйского, и таким образом снять часть выручки без него.

Но и диспетчер был рад, хотя и понимал, что слегка лопухнулся, не уловив, после какого из контактов бармен принял столь неожиданное решение. Двое из агентов последовали за Лешей, третий остался в баре сворачивать аппаратуру, которая у фирмы была в единственном экземпляре и рисковать которой не стоило.

Леша повел агентов с Новинского бульвара, на котором был расположен «Счастливый случай», на Новый Арбат, в «Метелицу», но попал туда не через парадный, как обычно, а через служебный вход. Агенту вслед за ним проникнуть не удалось, и объект наблюдения был временно потерян. Но потерян он был всего на пять минут.

Второй агент уже сидел в зале ресторана, заняв удобный для наблюдения за всем залом столик. Не больше чем через три-четыре минуты Леша появился в зале и подсел к столику, за которым уплетал креветки толстячок с очень добродушной физиономией.

Увидев Лешу, он махнул ему рукой и показал на стул возле своего столика. Леша сел, подозвал официанта и тоже заказал себе креветок и пива. Это было понятно по жестам, которыми Леша показал на толстяка и на огромное блюдо с горкой креветок перед ним.

Агент сидел не очень далеко от Лешы, но в зале играла навязчивая ритмичная музыка и заглушала все фразы, которые можно было бы разобрать, если бы не эта музыка. Но по выражению лица постоянно улыбающегося толстяка агент понял, что разговор идет серьезный и напряженный. Взгляд толстяка оставался жестким, хотя улыбка не сходила с его полных губ.

Леша сначала выглядел растерянно и отвечал на какие-то вопросы толстяка. Но потом задумался толстяк, а приободренный Леша перешел в наступление. Теперь он о чем-то допытывался у толстяка. Или, может быть, предостерегал его от чего-то.

Диспетчер, которому агент немедленно доложил, все, что видел и понял, принял решение выяснить, что представляет собой этот самый толстяк из «Метелицы» и направил на Новый Арбат еще двух агентов с заданием следить за толстяком до тех пор, пока не определятся его координаты, как именные, так и пространственные. Диспетчер любил изъясняться наукообразно, полагая, что это придает ему вес среди сотрудников агентства. Но те только терпели

это его небольшое чудачество, поскольку в остальном он был человек надежный и опытный, на него можно было положиться. А что касается его труднопонимаемых остальными распоряжений, стоило только самому подумать, что может интересовать заказчика, и сразу догадаться, это, прежде всего, имя человека и адрес, по которому его можно в случае необходимости разыскать. Только и всего.

И пусть диспетчер чудит, сколько ему влезет. Он, в общем-то, мужик неплохой...

Леша находился в контакте с толстяком недолго. Поговорив с толстяком, он уже собрался уходить, чем вызвал панику официанта, показавшегося в дверях с подносом, на котором стояло блюдо с дымящейся горкой свежееотваренных креветок.

Леша сказал, что передумал, и рисковал ввязаться в небольшой скандал с участием официанта и администратора зала, но положение спас толстяк, махнув рукой официанту, чтобы тот нес блюдо ему на стол и вписал его стоимость в счет. Леша тут же из «Метелицы» исчез, уводя за собой двух агентов, а толстяк остался расправляться с креветками, заставив еще двух агентов торчать в зале часа полтора над парой чашечек кофе.

Наконец, он расправился с креветками, залил их пивом, расплатился с официантом и направился к выходу. Агенты тут же доложили диспетчеру о готовности к интенсивной работе с ним, поскольку предполагали, что люди таких габаритов по Москве пешком не ходят. Толстяк наверняка приехал на машине, значит дальше наблюдение пойдет в другом режиме и с другой активностью.

Толстяк в самом деле уселся во вместительный джип, с которым его огромное тело весьма гармонизировало, и сам повел машину через Новоарбатский мост по Кутузовскому проспекту в сторону Кунцева. Наблюдение за ним не представляло особой сложности, поскольку он никаких мер предосторожности не предпринимал.

Свернув с Кутузовского проспекта на улицу Красных Зорь, джип толстяка остановился у здания, находящегося неподалеку от автозаправочной станции, примерно посередине между остановочными платформами электрички «Кунцево» и «Рабочий поселок».

Прождав толстяка часа два, но так и не дождавшись его появления, один из агентов получил от диспетчера приказ продолжать наблюдение за зданием, а второй агент был отозван в расположение фирмы.

Дальнейшее наблюдение за Лешей Газетчиком ничего интересного не принесло. Он направился прямо к себе домой в Химки-Ховрино, и не покидал своей квартиры до следующего утра.

Когда Константин вышел на связь с диспетчером, то предусмотрительно принял меры для того, чтобы его нельзя было запеленговать и обнаружить. Меры были элементарные, разговаривал он из макеевской «шестерки», которую в этот момент вел по Садовому кольцу сам владелец этого средства передвижения.

Через минуту после начала разговора Макеев свернул с Садового к центру, затем, еще через минуту, развернулся и поехал в другом направлении. Словом, отследить машину не было никакой возможности.

Панфилов, хоть и не был уверен, что их с Макеевым попытаются вычислить, но все же считал такие меры предосторожности необходимыми.

Он не хотел подвергать успех начатой ими операции риску.

Справедливости ради надо отметить, что предосторожность оказалась не лишней. Часа через два после того, как он получил от диспетчера всю информацию, которую удалось добыть агентам сыскной фирмы «Престо», Константин позвонил тому самому менеджеру, который продал ему телефон и с удовлетворением узнал, что владельцем номера интересовались какие-то личности, назвавшиеся частными детективами, и, получив сведения о мифическом Иване Ивановиче, проживающем в Кремле, в недоумении удалились.

Естественно, из всего, что им сообщил диспетчер, Панфилова с Макеевым больше всего заинтересовал контакт с толстяком, который застрял в Кунцеве. Без сомнения, на улице Красных Зорь толстяк оказался не случайно, и можно было начинать дальнейшую разработку операции. Но Панфилов решил выкачать все, что можно, из услужливой, хотя и чересчур любопытной сыскной фирмы и передал диспетчеру требование установить личность и род деятельности толстяка, справедливо рассудив, что самим им заниматься сбором подобной информации нет никакого резона – можно засветиться раньше времени.

Через несколько часов диспетчер смог сообщить Константину, что толстяк является первым по влиянию человеком в кунцевской группировке, кличка его Большой и что здание, в котором он исчез, что-то вроде их штаб-квартиры.

Этого было уже более чем достаточно. Макеев вновь воспользовался своими старыми связями, и еще через несколько часов компаньонам стало известно, что кунцевская группировка переживает сегодня не лучшие времена, уступив филевцам контроль над Крылатским, а раменским – над Кутузовским проспектом.

Чтобы поправить положение, кунцевцы забили большую стрелку в Суворовском парке, как раз посередине между Филевским и Кунцевским парками, и устроили грандиозную разборку со стрельбой из автоматов и взрывами. Ничего этим не добившись и только потеряв половину личного состава, кунцевская группировка вынуждена была утереться и довольствоваться небольшим участком Москвы, ограниченным куском Московской кольцевой автодороги, Рублевским шоссе и Рябиновой улицей.

Но это были уже слезы, а не территория. А тут еще брожения внутри самой группировки начались. «Рядовые» начали осуждать действия «генералов», дело вообще запахло революцией.

Тогда кто-то из первых лиц в группировке, по предположениям эмвэдэшных аналитиков, именно толстяк по кличке Большой, настоящее имя которого было Виктор Иванович Протасов, и предложил перейти от открытой демонстрации силы своим противникам к тихой, «партизанской», в его понимании, скрытой войне.

Лично Большим были отобраны трое наиболее подходящих, с его точки зрения, кунцевских братанов и отправлены «к соседям в чуждые пределы» с четким заданием – обезглавить несколькими меткими выстрелами и филевцев, и раменских, и, на всякий случай, еще и строгинцев, чтобы получить контроль над всем правобережьем Москвы-реки южнее Волоколамского шоссе.

Из этой затеи тоже почти ничего не вышло, так как убитым оказался только лидер раменской группировки. Двое других посланцев Большого «в распоряжение части», как говорится, не вернулись, и сведений о смерти тех, кого они должны были убить, к Большому тоже не поступало. Пропали оба его паренька, словно сгинули, что, скорее всего, так и было на самом деле.

Но он не опустил руки и понял, что все дело в кадрах, которые он начал подбирать с целью продолжить впоследствии «тихую» войну с соседями. Но в процессе подготовки профессиональных стрелков-киллеров Большой набрел вдруг на золотую жилу.

Кто-то из его воспитанников ляпнул кому-то из своих друганов в Центре о новых веяниях, которые появились в Кунцеве, и тут же получил предложение попробовать свои силы на практике. Не бесплатно, конечно. Не решившись на откровенную инициативу, чреватую дисциплинарными наказаниями, самое мягкое из которых заключалось в «лишении живота», как прежде на Москве выражались, стрелок обратился за разрешением на такой эксперимент к Большому, а тот сразу сообразил, какие перспективы у них открываются, коль скоро Центр испытывает недостаток в киллерах.

С этого дня подготовка пошла значительно интенсивнее и через непродолжительное время Большой располагал пятеркой очень неплохих ребят, способных выполнить любой заказ на ликвидацию в центре Москвы. Был у него и еще пяток ребят, подающих пока надежды.

С ними он усиленно работал в том самом здании, до которого его и проследили после разговора с Лешей Газетчиком. Вернее, работали те, кто поопытней, из первой пятерки, он наблюдал и вмешивался лишь в тех случаях, когда считал необходимым.

Последние два дня Большой был сильно не в духе. Добродушная внешность могла обмануть человека, впервые с ним встретившегося, но те, кто знал Большого не первый, как говорится, день, сразу отмечали мрачное раздражение, сквозившее в его взгляде, спешили свернуть с его дороги и не смотреть на него лишний раз, чтобы не стать громоотводом для его злости.

Посланный на выполнение заказа Мишка Соловьев по кличке Соловей, один из лучших в его команде, не вернулся в Кунцево. Мало того, не вернулся вечером того же дня, когда он должен был выполнить заказ, за который Большой уже получил неплохие деньги от солидных людей. Большой увидел своего Соловья на экране телевизора в программе «Дежурная часть». Какая-то сука уложила его на асфальт, и теперь он смотрел в черное ночное московское небо обезображенным лицом. Его даже узнать было трудно.

Большой понял, что это Соловей, поскольку речь шла об убийстве человека, пытавшегося совершить покушение на жизнь Гусева, за которого Большому заплатили неплохие бабки. К тому же досудие телевизионщики разыскали сумку, в которой Соловей нес свой автомат на место выполнения заказа. Сумку Большой сразу узнал. Он сам ходил с ребятами по спортивному магазину и подбирал эти сумки, чтобы было удобно носить и расстегивались мгновенно.

Особое беспокойство Большого вызвало сообщение журналистов, что киллера, охотившегося за Гусевым, убил не охранник и не милиционер, а неизвестный человек, выстреливший киллеру в голову из пистолета и успевший скрыться до приезда милиции в районе пересечения улиц Малой Никитской со Спиридоновкой.

Большой подозревал, что кто-то из соперничающих с ними группировок разведал его планы и вознамерился составить конкуренцию. Самым эффективным средством было выбить одного за другим бойцов Большого, чтобы некому было выполнять заказы, которые последнее время сыпались на него один за другим золотым дождем.

Кроме того, беспокоили обязательства перед заказчиком, который уже оплатил убийство Гусева. Нужно было отрабатывать деньги и как можно скорее, иначе могла пострадать его репутация, и он запросто лишился бы новых заказов. Но и спешить было нельзя – Гусева после покушения усиленно охраняли, и не только свои.

Происшествием на Малой Никитской, по слухам, заинтересовалась ФСБ и тоже приглядывала за директором аэропорта «Шереметьево», подозревая, что тот замешан в каких-то международных аферах и покушение – своего рода предупреждение ему.

Знал Большой и то, что скоро начнут ползать по Кунцеву ментовские слухачи и доносчики, вынюхивая, с кем последнее время общался Соловей, в каких делах был задействован, собирать о нем всевозможную информацию. Раз уж он узнал Соловья в труп с обезображенным лицом, менты тоже докопаются, можно в этом не сомневаться.

А тут еще какой-то дерьмовый придурок наблюдает за спортзалом, в котором сутками проводил время Большой со своими питомцами. Припарковал машину напротив и думает, что его задристанный «москвичонок» не привлечет внимания! Тоже мне – наблюдатель!

Нервы у Большого не выдержали, и он коротко скомандовал пареньку из второй резервной пятерки, который был перспективнее других и которым Большой намеревался заменить выбывшего Соловья:

– Сходи, Химик, сделай ему ТО-1, а заодно и ТО-2. Надоел. Глаза мозолит.

Девятнадцатилетний Химик, прозванный так за то, что любил рассказывать, как его выгоняли с первого курса химико-технологического университета за удавшуюся попытку

в лабораторных условиях получить тринитротолуол. Полученное вещество оказалось очень нестойким и взорвалось через пятнадцать секунд после образования. Единственной жертвой эксперимента стал сам Химик, которого вышибли из университета после категорического отказа его родителей оплатить ремонт лаборатории.

Испытывавший болезненное влечение к химическим опытам со взрывчатыми веществами, Химик начал искать применение своим доморощенным талантам и нашел себя в группировке Большого.

Он специализировался на ликвидации с помощью взрывов и был, по мнению Большого, весьма перспективным кадром, поскольку обладал нетрадиционным мышлением и ярко выраженной склонностью к изобретательству.

На этот раз Химик ничего особенного выдумывать не стал, он использовал одно из опробованных своих изобретений. Оно представляло собой простейшую радиоуправляемую модельку – маленькую платформу на колесиках. На платформу помещалось необходимое количество вещества, названия которого Химик не знал, поскольку синтезировал его в ходе одного из опытов и аналогов ему в справочной литературе не нашел. Вещество, впрочем, не обладало разрушительной силой тротила, но перевернуть машину, под которой производился взрыв, ему было вполне под силу. Срабатывало оно от самой слабой электрической искры.

Химик насыпал в специальный резервуар, установленный на платформе величиной с книгу обычного формата, грамм двести изобретенного им вещества, проверил, в порядке ли разрядник. Поставил платформу на асфальт метрах в двухстах от «Москвича» и нажал на кнопку «вперед» на пульте управления. Платформа медленно покатила по проезжей части вдоль бордюра, не привлекая ничего внимания, поскольку в высоту была всего сантиметров десять.

Единственное, за чем ему приходилось внимательно следить, это чтобы платформа не врезалась в какое-либо препятствие и не взорвалась раньше времени, поскольку разрядник, тоже собственной конструкции Химики, часто барахлил и начинал искрить от удара.

Но на этот раз все прошло гладко. Устроившись на крыше спортивного зала, Химик наблюдал за своей платформочкой в бинокль и без труда загнал ее под днище «Москвича», в котором устроился наблюдатель.

Затем он закурил и, приготовившись к очередной порции наслаждения, которое он испытывал от каждого взрыва, нажал на пуск разрядника.

«Москвич» подпрыгнул, из-под него вырвались в одну сторону языки огня, и взрывной волной машину перевернуло на бок, почти не отбросив от того места, где она стояла. Однако тому, кто сидел в ней, пришлось туго. Особенность примененного Химиком вещества была в том, что оно вызывало возгорание всех горючих веществ, которые оказывались в зоне взрыва.

Мгновенно вспыхнуло горячее в баке машины, и второй взрыв окутал «Москвич» столбом пламени. Огонь охватил всю машину, и выбраться из нее не было никакой возможности. Тот, кто сидел в салоне, не успел открыть покореженные первым взрывом дверцы и выпрыгнуть.

– Отличная работа! – одобрил Большой, наблюдая за взрывами из окна спортивного зала. – Молодец, Химик! Надо будет поручить ему доделать то, что не успел Соловей. Пусть начнет с Гусева. Если справится, толк из него выйдет...

Глава 4

Взрыв стоящего напротив спортзала «Москвича» застал Панфилова и Макеева в тот момент, когда они выдвинулись на исходные позиции для ликвидации основного ядра кунцевской группировки во главе с Большим.

Макеев установил гранатомет напротив главного входа в спортзал в небольшом сарайчике, неизвестно для каких целей оставленном при сносе старых построек. От сарайчика был хороший путь отхода через окружающие его разросшиеся кусты к пустырю на соседней улице, где Макеева поджидала его машина.

Панфилов занял позицию напротив другого входа в спортзал, которым и должны были, по его предположению, воспользоваться находящиеся в спортзале кунцевские братаны после того, как Макеев произведет пару выстрелов по большим окнам спортивного зала.

Гранаты должны были разорваться внутри помещения и наделать немалый переполох среди находящихся внутри здания. Тех, кто вздумает воспользоваться для бегства окнами, будет поджидать тот же Макеев, вооруженный автоматом.

Взрыв машины насторожил Панфилова и вызвал у него серьезное беспокойство. Это было непредвиденное обстоятельство, вмешательство со стороны в намеченную ими операцию. Панфилов не мог предположить, что Макеев проявил идиотскую инициативу и взял на прицел совершенно безобидный «москвичок» вместо того, чтобы действовать по заранее намеченному плану.

До времени начала операции оставалось еще пятнадцать минут, и Панфилов ломал голову, что бы мог означать этот неожиданный фейерверк и как теперь изменится ситуация. Даже если предположить, что взрыв каким-то образом произошел случайно и не имеет никакого отношения к Большому и его братве, собравшейся на тренировку в спортзале, нужно быть готовым к тому, что через несколько минут сюда слетятся менты и начнут внимательно прочесывать подряд всю окружающую спортзал местность в поисках возможной причины взрыва и свидетелей.

Они непременно обнаружат и Макеева, засевшего с гранатометом и автоматом в сарае напротив входа в спортзал, и самого Панфилова, расположившегося на первом этаже стоящего рядом со спортзалом здания. И начнется такая чушь собачья, что просто противно от всего этого становится, как только представишь.

«На месте Макеева, – думал Панфилов, – я бы не стал дожидаться, пока ментов в округе станет больше, чем воробьев на деревьях, а перенес бы начало операции на пятнадцать минут раньше. Надо же уметь принимать самостоятельные решения и действовать сообразно с меняющимися на глазах обстоятельствами, а не упираться лбом в заранее намеченные планы. Я ведь тоже не мальчик, соображу, что к чему, и поддержу инициативу напарника».

Панфилов начал злиться и прикидывать, как ему незаметно убраться от спортзала, когда раздался резкий хлопок выстрела, и из окон спортзала, выходящих на ту сторону, с которой наблюдал за ними Панфилов, посыпались стекла. Следом раздался еще один выстрел, и теперь уже Константин увидел сквозь разбитые стекла клочья метнувшегося по внутренним помещениям огня.

«Молодец, Сашка! – подумал Панфилов. – Соображает, голова ментовская!»

Но долго умиляться у него не было времени. На пороге распахнувшейся двери запасного выхода из спортзала показалась в клубах дыма приземистая фигура. Панфилов, не размышляя, как сделал бы на его месте Макеев, срезал выбежавшего короткой очередью. Константин отчетливо видел, как из груди у того брызнули небольшие фонтанчики крови.

У него не было ни секунды, чтобы предаваться сомнениям, правильно или неправильно он поступает, отправляя на тот свет всех, кто появлялся в проеме двери и двух расположенных

рядом с дверью больших окон. Братаны полезли из потревоженного выстрелами макеевского гранатомета спортзала один за другим.

У одной двери Панфилов уложил человек пять, если не больше. Ему трудно было считать из-за того, что на пороге образовался завал из тел убитых им братанов. Двоих он подстрелил, когда те пытались выпрыгнуть из окна, расположенного справа от двери.

Один из них свалился внутрь помещения, другой перевесился через раму окна и застрял на ней, свесив руки почти до асфальта.

Из окна справа никто выпрыгивать не пытался, зато вскоре из него раздалась автоматная очередь, и на Константина посыпались осколки кирпича.

Его обнаружили и ответили огнем.

Константин выматерился. Он предвидел, конечно, что всех, находящихся в спортзале, уничтожить не удастся, да он и не стремился к этой задаче. Переполоха, который они с Макеевым устроили в Кунцеве, уже вполне достаточно.

Константин выпустил длинную очередь в окно, из которого в него выстрелили, но, услышав в отдалении вой милицеских сирен, понял, что пора уходить. Он сорвал кольцо с «лимонки», швырнул ее в окно и, дождавшись, когда раздастся грохот взрыва, бросился к выходу.

Перепрыгнув через забор в глубине двора, он между огромными деревянными ящиками пробежал к следующему забору и, миновав его, оказался в кривом и длинном проезде, ведущем, как он заранее выяснил, к Можайскому шоссе.

Прямо у того места, где он спрыгнул с забора, ждала его «девятка», которую он тут же дернул с места и помчался к шоссе, пока менты не догадались перекрыть микрорайон, прилегающий к спортзалу.

Автомат он оставил на том самом месте, откуда вел стрельбу по спортзалу, больше ничего у него в машине не было, что могло бы навлечь на него подозрение в участии в стрельбе на улице Красных Зорь.

Единственной свидетельницей его участия в этой разборке оказалась длинная царапина на локте – задел за гвоздь, когда перепрыгивал через забор.

С Макеевым на этот раз они встретились на автозаправочной станции, рядом с развязкой, в которую упирается Можайское шоссе и от которой начинается шоссе Минское. Панфилов на этот раз прибыл первым и пережил неприятные десять минут, прежде чем заметил, как с Кольцевой вырывается к автозаправке машина Макеева.

Константин облегченно вздохнул. Все в порядке и на этот раз.

Им все удалось как нельзя лучше. Неизвестно, правда, сколько кунцевских удалось уничтожить, но это не беда, в первом же выпуске московских теленовостей их проинформируют о количестве обнаруженных милицией в спортзале трупов.

Сообщат им и о судьбе Большого – остался он в живых или нет. Нужно только набраться терпения.

В целях конспирации Макеев с Панфиловым не общались на автозаправочной станции. Они только обменялись взглядами, в которых каждый из них прочитал больше, чем можно было высказать словами, и разъехались в разные стороны, чтобы через пару часов встретиться на квартире, которую снимал Панфилов на южной окраине Москвы.

– Вот теперь мы можем заявить о себе громко, – сказал Панфилов, когда они посмотрели выпуск криминальных новостей по московскому городскому каналу и узнали, что в перестрелке в Кунцеве во время разборки двух криминальных группировок погибло восемь человек. Был убит и лидер кунцевских бандитов Виктор Протасов по кличке Большой. Его разорвало гранатой, влетевшей в окно спортзала, возле которого произошла стычка. Следственными органами ведется расследование и так далее и тому подобное. Словом, дальше шла обычная журналистская чушь...

– Лично меня эта их версия о разборке между двумя криминальными группировками не устраивает, – хмыкнул Макеев. – Какая мы с тобой группировка! Так, два кустаря-одиночки. Я думаю, нужно объяснить заинтересованным лицам, чьих это рук дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.